

ОКНА ВЫХОДЯТ НА ВОСТОК

Потом она попросила, чтобы Ирина села рядом с ней. Тонкими, высохшими пальцами она гладила чуть пухлые руки девочки и, глядя на нее, стала говорить как будто для нее одной. Войнич рассказала ей сказку Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть», о том, как потерянную совесть, затоптанную в грязь, подняли и вложили в душу русского ребенка. Ребенок рос, и вместе с ним росла и совесть — становилась большой, чистой, гордой.

— Помни, Ирина, — говорила Э. Л. Войнич, — ты русская, и когда ты вырастешь, совесть твоя должна быть чистой и гордой...

Потом Войнич стала рассказывать о Степняке, о своем дорогом друге Степняке, которого она называла опекуном.

Потом вспомнила стихи Лермонтова. Замолчала и вся как будто во власти музыки, слышимой ею одной, как таинственное заклинание, произнесла:

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной,
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая поднимается...

— Я не могу не волноваться, читая эти стихи и теперь, — сказала Войнич. — Представьте же мое волнение, когда я впервые прочитала «Песню о купце Калашникове». Я не спала всю ночь и все ходила по комнате, повторяя:

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской
белокаменной...

Тогда же я решила перевести эту поэму на английский язык.

Госпожа Нилл достала из шкафа и показала Борисовым маленькую книжку в серой обложке — «Стихи» Шевченко в переводе Войнич. В этой же книжечке был напечатан и ее перевод «Песни о купце Калашникове».

Потом Борисовы услышали стихи Шевченко на украинском языке. Это было так удивительно — сидеть рядом с автором «Овода», слушать немного старомодную, но все же чистую русскую речь, русские стихи, украинские стихи...

Петр Павлович стал рассказывать Войнич о том, как любят ее книгу в России. И вновь она почувствовала себя подавленной огромной ответственностью, вдруг обрушившейся на нее. Но цифрам, приведенным в «Огоньке», она просто не верит, они кажутся ей неправдоподобными...

Петр Павлович и Феодосья Ефимовна горячо убеждали Войнич в истинности этих цифр. Войнич уже не возражала, а только недоверчиво качала головой.

Госпожа Нилл не знает русского языка, но она догадывалась, о чем шла речь, а иногда Войнич или Петр Павлович переводили ей.

— А все-таки, — энергично вдруг заявила госпожа Нилл, — главное в творчестве моего друга не книги, а музыка. Она достала ноты — музыкальные сочинения автора «Овода».

Войнич села за пианино. Она сыграла Борисовым свою кантату «Подводный город». Ирина с недоумением слушала страшную легенду о затопленном городе.

Голос Войнич звучал теперь ровнее. Она уже не так долго подыскивала полубылые русские слова, жадно спрашивала про Россию, про советских детей, про школы, институты. Но гости собрались уходить — нельзя так утомлять хозяйку.

На прощание Войнич подарила Ирине книгу и подписала на ней:

«Дорогая Ирина! Ты — единственный советский ребенок, которого я встретила, и это сделало радостным и незабываемым день, когда ты навестила меня вместе со своими родителями. Пусть же все дети твоей страны, которую я посетила много лет назад, живут в мире всего мира.

Э. Л. Войнич».

Войнич все время держала Ирину за руку. Она просила не забывать ее и приходил как можно чаще.

Узнав от Петра Павловича, что скоро в Соединенные Штаты придут советские журналисты, Войнич попросила передать им приглашение посетить ее. Особенно она хотела видеть Софронова, редактора журнала «Огонек», того журнала, благодаря которому она узнала о судьбе своего «Овода» в России, благодаря которому она познакомилась с советскими людьми, с советской девочкой...

И ВОТ этот день наступил. Рано утром 17 ноября 1955 года в маленькую квартиру на семнадцатом этаже пришли семеро советских людей — шестеро приехавших журналистов и Петр Павлович Борисов. Они принесли большой букет розовых хризантем. Шумные, взволнованные, они сразу притихли, войдя в маленькую гостиную, залитую утренним солнцем.

Сейчас они увидят автора «Овода», автора своей любимой книги, о котором они ничего не знали.

Она вышла к ним в потертой коричневой юбке, в старенькой голубой кофточке, в черном вязаном платочке, накинута на плечи...

Ее голубые глаза останавливаются то на одном, то на другом. В маленькой гостиной от этих широкоплечих людей сразу стало тесно. И не на что их усадить. Но они не стесняются и садятся прямо на пол, у ее ног.

Отошли куда-то в сторону недавние богатые впечатления от поездки по Соединенным Штатам. Советские журналисты возвратились памятью к своей юности, к тем незабываемым дням, когда впервые была прочитана книга об Оводе...

С благоговением смотрели на маленькую худенькую женщину, которая медленно, тихим голосом рассказывала им удивительные, никогда не слышанные ими истории. Она рассказывала им о своей юности, о жизни в Петербурге, о похоронах Салтыкова-Щедрина, о том, как она носила передачи политическим заключенным в тюрьму на Шпалерной. Она так хорошо это все помнит... И на листке бумаги Войнич рисовала расположение тюремных коридоров...

Потом они слушали ее рассказы о русских революционерах, о тех, кто це-

дать привет автору статьи о ней, напечатанной в «Огоньке».

Выйдя на улицу, журналисты захотели сфотографировать дом, где живет Войнич, но во всех пяти аппаратах западных пленки кончились, так много нащелкали снимков в комнате Войнич. Отойдя от дома, оглянулись еще раз и надежной всяких фотографий запечатлели в своей памяти высокий темный дом и далекое окно на семнадцатом этаже, в которое смотрит своими ясными голубыми глазами замечательная женщина нашего времени.

Через день об этой знаменательной встрече сообщали радиостанции Советского Союза, советские газеты — и миллионы тех, кто любит «Овод», узнали, что автор его живет в Нью-Йорке.

Вернувшись в СССР, журналисты рассказали о своей встрече с Войнич в газетах, журналах, по радио, на многочисленных вечерах. В редакции каждый день стали приходить десятки писем. Читатели просили сообщить подробнее о жизни Войнич, приглашали писательницу приехать в СССР, выражали ей горячую любовь и признательность.

Э. Л. ВОЙНИЧ. 1956. Нью-Йорк. (Публикуется впервые).

нил свои идеи выше жизни. Она дружила с ними, она любила их...

Нерпеливые гости стали расспрашивать ее, как был создан роман «Овод». Войнич умолкла, задумалась. Ей трудно говорить об этом, о самом сокровенном, о том, что не до конца ясно ей самой.

— Я лучше расскажу вам о том, кто помог мне стать писательницей, — сказала Войнич и попросила Анну принести старые письма и фотографии.

— Вот он, мой друг, ваш соотечественник, — и Войнич показала гостям фотографию Степняка.

— Мы часто переписывались, но у меня сохранились только две его записочки и одно письмо.

И советские журналисты бережно передавали друг другу плотные листочки чуть желтоватой бумаги и переписывали в свои блокноты строчки из письма Степняка, в которых он уговаривал милую Лили «попробовать свои силы на писательстве».

И опять она услышала восторженные рассказы о всенародной любви к ее книге в России. И снова она недоверчиво качала головой...

Представитель «Комсомольской правды» А. И. Аджубей попросил Войнич написать несколько слов, обращенных к советской молодежи. Под рукой не оказалось бумаги, и Аджубей протянул писательнице свой блокнот. Войнич задумалась. Несколько слов, а надо сказать самое главное... Гости отошли, чтобы не мешать ей.

И такими же ровными, прямыми буквами, какими когда-то был написан «Овод», уверенная рука вывела слова приветствия. Войнич знает, что самое главное для страны социализма.

«Всем детям Советского Союза: счастливого будущего в мире мира» — и подписалась: «Э. Л. Войнич, Нью-Йорк, 17 ноября 1955 года».

Журналисты сфотографировались вместе с Войнич. Сняли ее вдвоем с госпожой Нилл. Но вот назначенное время истекло. Госпоже Нилл надо уходить на работу.

Гости бережно по очереди пожали маленькую сухую руку Войнич.

Войнич попросила Софронова пере-

дать привет автору статьи о ней, напечатанной в «Огоньке».

Выйдя на улицу, журналисты захотели сфотографировать дом, где живет Войнич, но во всех пяти аппаратах западных пленки кончились, так много нащелкали снимков в комнате Войнич. Отойдя от дома, оглянулись еще раз и надежной всяких фотографий запечатлели в своей памяти высокий темный дом и далекое окно на семнадцатом этаже, в которое смотрит своими ясными голубыми глазами замечательная женщина нашего времени.

Через день об этой знаменательной встрече сообщали радиостанции Советского Союза, советские газеты — и миллионы тех, кто любит «Овод», узнали, что автор его живет в Нью-Йорке.

Вернувшись в СССР, журналисты рассказали о своей встрече с Войнич в газетах, журналах, по радио, на многочисленных вечерах. В редакции каждый день стали приходить десятки писем. Читатели просили сообщить подробнее о жизни Войнич, приглашали писательницу приехать в СССР, выражали ей горячую любовь и признательность.

Войнич подарила Ирине в этот день маленькую брошку с прозрачным голубовато-зеленым камнем.

— Этот камень называется «аквамарином». Аквамарин — значит морская вода. Я хочу, чтобы ты была, как морская вода, — сказала Войнич, глядя Ирине прямо в глаза, — глубокой и чистой.

Петр Павлович Борисов среди многих своих дел никогда не забывал о Войнич, он приносил ей письма, которые случайно попадали к нему, рассказывал ей о Советском Союзе, приносил ей книги советских писателей, напоминал о просьбах советских литературоведов, изучающих ее творчество.

Однажды, в конце апреля, на квартиру Войнич принесли большие ящики — проекционный киноаппарат, коробки с пленкой. Борисову удалось организовать демонстрацию советского кинофильма «Овод» на квартире Войнич.

И вот на белой стене перед создательницей «Овода» возникло пламя горящего факела... Красивый юноша, которого звали Артуром, после постигших его разочарований превращался в Овода...

Когда погасли последние кадры на стене, умолк голос расстрелянного Овода, умолкли голоса его друзей и в комнате зажгли электричество. Войнич все молчала. Она молчала слишком долго.

Когда, наконец, Петр Павлович спросил у Войнич о ее впечатлениях, он увидел, что ей очень трудно говорить. Казалось, вежливость по отношению к создателям фильма, к тем, кто потрудился над доставкой фильма к ней на дом, боролась в ней с чувством правдивости.

Наконец писательница покачала головой и тихо произнесла: — Это совсем не так!

ПРИХОДИЛОСЬ Петру Павловичу писать о Войнич и в СССР. Только из его письма я, наконец, узнала точную дату — день и месяц рождения Войнич. Послала ей к этому дню поздравление, сообщила об этой дате и другим ее друзьям в СССР, те тоже послали ей поздравления.

Одиннадцатое мая 1956 года, когда Войнич исполнилось 92 года, был для нее необычайным днем. Телеграмма, письмо, оклеенное нарядными марками, еще телеграмма — и все из России.

И в этот день Войнич написала письмо в Россию.

Наверху поставила дату: «11 мая 1956 года, Нью-Йорк».

Первые строчки она написала по-русски:

«Дорогая Евгения Таратута.

...Сегодня мне исполнилось 92 года. Это самый счастливый мой день рождения, потому что я получила ваше поздравительное письмо и поздравительные телеграммы от господина Софронова и его сотрудников и от Комитета комсомола (она так и написала, латинскими буквами слова comitet komsomola). Так что вы видите — это был настоящий русский день рождения...

Пожалуйста, передайте теплый привет вашей матери и дочери. Я бы хотела снова поехать в Россию, но, к сожалению, это совершенно невозможно. Очень теплое приветствие. Лилия Войнич».

Последние строчки она снова написала по-русски.

КНИГА об Э. Л. Войнич уже печаталась, когда из-за океана пришло скорбное известие о кончине автора «Овода», нашего верного друга. Она умерла вечером 28 июля 1960 года в Нью-Йорке, в своей квартире, где жила последнее время. Ей было уже 96 лет...

Вся ее долгая жизнь была проникнута верой в человека и в его право на счастье. Еще в юности она, как клятву, твердила стихи американского поэта Уолта Уитмена:

«Свобода! пусть другие не верят в тебя, я верю в тебя до конца!»

В преклонные годы она писала: «Всем детям Советского Союза: счастливого будущего в мире мира!»

И мы не забудем создательницу бесмертного образа мужественного революционера, отдавшего жизнь за свободу, за счастливое будущее свободного человечества.

Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку.
Тут Войнич вдруг остановилась.